

LARISA ARZHAKOVA

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛОНИСТИКА XIX ВЕКА КАК ЧАСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛАВИСТИКИ

Истоки российской исторической полонистики, становление и интенсивное развитие которой под ощутимым воздействием польского вопроса выпадает на XIX столетие, следует искать в гораздо более ранних временах (Arzhakova, *Rossiiskaia istoricheskaia* 20-38). Как раз это обстоятельство во многом предопределило давно сложившееся и, пожалуй, до сих пор сохраняющееся в России, отличие характера и эмоциональной насыщенности исторических полонистических исследований от иных отечественных славистических исследований. Несмотря на то, что тезис С.М. Соловьева – «польский вопрос родился вместе с Россией» (Solov'ev 200) – требует объемного, не предусмотренного заявленной темой, содержательного комментария, он и в исходном виде способен дать представление о степени зависимости процесса изучения прошлого Польши в империи Романовых от бытовавшего в ней польского вопроса. Здесь же попутно отметим, что этот тезис С.М. Соловьева практически не вызвал, судя по всему, резонанса в современной историку научной (и околонучной) среде, не нашел он адекватного отклика среди коллег по цеху и в дальнейшем. Несмотря на то, что крылатая по своей смысловой нагрузке фраза вбирает в себя задачу, решение которой в равной мере актуально для полонистов и для русистов.

Лариса Михайловна Аржакова, доктор исторических наук – Институт славяноведения РАН, Отдел истории славянских народов Центральной Европы в Новое время (Центр по изучению истории многонациональной Австрийской империи); адрес для почтовых отправок: Ленинский проспект, д. 32-А, 119991 Москва; e-mail: larjak@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8260-4101>.

LARISA ARZHAKOVA, dr hab. nauk historycznych – Instytut Słowianoznawstwa Rosyjskiej Akademii Nauk, Oddział historii narodów słowiańskich Nowożytnej Europy Centralnej; adres do korespondencji: Ленинский проспект, д. 32-А, 119991 Москва; e-mail: larjak@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8260-4101>.

Зримым свидетельством несходства закономерностей эволюции российской исторической полонистики и поступательного движения других направлений отечественной славистики в XIX в. служат фундаментальные монографии такого признанного знатока истории российского славяноведения, как Л.П. Лаптева (*Lapteva, Istoriia v XIX veke*; *Lapteva, Istoriia pervoi treti*). Сначала представив обзор истории славяноведения в Западной и Центральной Европе в XVIII – первой трети XIX в., а затем охарактеризовав уровень знаний о славянах в России (*Lapteva, Istoriia v XIX veke* 15-126) (заметно, по ее мнению, отстававшего от общеевропейского уровня), профессор МГУ Л.П. Лаптева (1926–2016) детально проанализировала стадии формирования и последующих достижений отечественного славяноведения, но – главным образом, в рамках университетской образовательной системы, справедливо подчеркнув, что «центрами развития славяноведения в России являлись именно университеты» (*Lapteva, Istoriia v XIX veke* 11). Поэтому автором было сфокусировано внимание, прежде всего, на изучении славянства (и обучении истории славянства) в Московском, Петербургском, Харьковском и Казанском университетах (где, согласно Университетскому уставу 1835 г. предусматривалось открытие кафедр истории и литературы славянских наречий), после чего были рассмотрены этапы становления и развития славяноведения в других университетах Российской империи – Университете Св. Владимира в Киеве, Новороссийском и Варшавском университетах, тщательно рассмотрено творческое наследие множества русских славистов. Однако в любом случае полонистические студии, органически выступавшие среди прочих разобранных автором славистических изысканий, не стали для Л.П. Лаптевой предметом специального рассмотрения – как особый раздел отечественного славяноведения, существовавший (и существующий) в особых условиях и действовавший (действующий) по особым законам. В должной мере сознавая специфику российской исторической полонистики в контексте отечественной славистики, Л.П. Лаптева предпочла в своем исследовании соблюсти – пусть весьма условное – равноправие всех составляющих российского славяноведения.

Своеобразие российской исторической полонистики как научной дисциплины (и ее отличие от славистики в целом) заключалось, прежде всего, в том, что она пребывала под ощутимым воздействием динамики русско-польских взаимоотношений, что самым непосредственным образом отражалось в выборе определенной научной тематики, если не ска-

зять, даже предопределяло этот выбор. Больше того, все это вместе взятое существенно влияло на подход к той или иной конкретной научной либо злободневной общественно-политической проблеме полонистического свойства. Поэтически точно об опыте взаимных контактов давних соседей-соперников выразился в своем знаменитом эссе Чеслав Милош, признавший, что «описать запутанные истоки распри так же трудно, как причины застарелой вражды двух семейств, испокон веков живущих на одной улице /.../ и корни здесь уходят куда глубже двух последних веков» (Milosh 119-120). Другими словами, польский вопрос как обиходное для русского общества XIX в. понятие фактически включало в себя весь комплекс социально-политических и этнокультурных проблем, болезненно преломлявшихся в русско-польских взаимоотношениях, отягощенных наследием исторической памяти не одного столетия. Это позволяет рассматривать польский вопрос не только в контексте имперского периода истории России, но и гораздо шире – в контексте истории России доимперской поры.

Итак, если трактовать польский вопрос расширительно, в том числе как мировоззренческую категорию, то его восприятие знаменитым польским поэтом-мыслителем и видным русским историком С.М. Соловьевым совпадает: без особого преувеличения можно сказать, что бытование польского вопроса как многосложного явления выводится ими далеко за рамки – даже длинного – XIX столетия. Подобное представление о польском вопросе, совсем не обязательно так именуемом, находило, и находит, немало приверженцев как в польской (преимущественно), так и в русской научной среде (Tarnowski; Włachowska, *Narodziny Imperium*; Włachowska, *Wiele historii*; Nowak, *Od Imperium*; Wierzbicki; Kareev, «Pol'skij vopros»).

Вместе с тем, польский вопрос и как совокупность устоявшихся в русском обществе второй половины XVIII – начала XX вв. стереотипов о Польше и поляках, оказывал ощутимое воздействие не только на эволюцию исторической полонистики, но и на крупнейшие явления культурной и общественно-политической жизни России. В этом смысле достаточно назвать лишь такие общеизвестные (если не сказать, хрестоматийные), как пушкинская ода *Клеветникам России*, опера М.И. Глинки *Жизнь за царя* или трактат *Россия и Европа* Н.Я. Данилевского. Что касается собственно исторической полонистики как славистической дисциплины, которая в первые годы XIX столетия пребывала на стадии становления и лишь в 1860-е гг. вступила в фазу активного развития, то

она подразумевает собой комплекс самых разнородных источников. Сюда следует отнести не только собственно исторические труды, но также многочисленные публицистические сочинения, отчасти – художественные произведения и мемуары, на страницах которых очевидно преломление польского вопроса.

С точки зрения русско-польского взаимовосприятия схожую ситуацию наблюдаем и в польской культуре, когда «проблема России стала для польской эмиграции своего рода навязчивой идеей, которую она стремилась передать – прежде всего, посредством литературы, – грядущим поколениям поляков» (Nowak, *Mędzy carem* 5, 7). Если воспользоваться выражением Анджея Новака, для русского общества XIX в. такой «навязчивой идеей» выступал польский вопрос, что в большей или меньшей степени нашло отражение в многоликой российской исторической полонистике.

Констатируя достаточно тесное взаимодействие польского вопроса и полонистики, приходится учитывать, что в первом из этих компонентов решительно преобладали стереотипы в сочетании с эмоциями, а во втором – не без труда, но прокладывало себе дорогу позитивное знание. Что, однако, важнее, существовала зависимость не только прямая – иначе говоря, влияние польского вопроса на характер и направленность научных занятий польской историей, на процесс становления и развития российской исторической полонистики, но и зависимость обратная, до недавнего времени мало привлекавшая внимание исследователей. На этом специальном, причем, не самом известном сюжете, имеющем прямое отношение к состоянию полонистической студии в России XIX в., следует остановиться.

Здесь подразумевается заявление, содержащееся в предисловии к русскому изданию историко-сравнительного очерка Иоахима Лелевеля *Польша и Испания. Историческая между ними параллель в XVI, XVII и XVIII столетиях* (1863), в котором польский историк размышлял о судьбах двух могущественных некогда держав – Польши и Испании, одна из которых пришла в упадок, а вторая была стерта с политической карты Европы. Переводчик, издатель и одновременно автор предисловия к давно завоевавшей популярность брошюре, неоднократно переиздававшейся в переводах на западноевропейские языки, предпринял попытку разобраться в причинах, почему не удается, так сказать, решить польский вопрос в России. По убеждению автора, причинами безуспешности решения польского вопроса были «наше общественное бес-

силе, безучастие, наша бездеятельность, а главное – наше незнание» (Kashirin, «От perevodchika» I).

Другими словами, Ф. Каширин, в своем вступительном слове совершенно четко, недвусмысленно указывал на то, что правомерно говорить не только о зависимости успехов отечественной полонистики от состояния польского вопроса (не раз стимулировавшего создание исторических и публицистических сочинений), но и о зависимости обратной. Обратная зависимость, по его мнению, означала, что степень разработанности польской проблематики в российской исторической литературе была способна оказывать реальное, самое непосредственное влияние на разрешение польского вопроса. Тем самым придавая полонистическим изысканиям (по его ожиданиям – успешным) небывалую весомость, а также возлагая на полонистику особую ответственность, Ф. Каширин отводил польскому вопросу одно из важнейших мест во внутривосточной повестке дел Российской империи. Разумеется, о необходимости спешного решения польского вопроса заявлял не только издатель брошюры знаменитого польского историка. В русской общественной среде ему по-своему вторил (но каждый на свой лад) целый хор голосов. И.С. Аксаков предупреждал, что «польский вопрос требует разрешения, и если Россия не разрешит его сама, то невольно передаст свое право Европе, стерегущей каждый наш промах» (Aksakov, «Pol'skij vopros» 54); со знанием дела о прошлом и, что важно, о настоящем польского народа писали М.П. Погодин, А.Ф. Гильфердинг и другие авторы (Pogodin, *Pol'skij vopros*; Pogodin, *Stat'i politicheskie*, Gil'ferding). Однако в отличие от наблюдательного переводчика Ф. Каширина, кажется, никто из его именитых коллег по перу не пришел к выводу, что ключом к разрешению польского вопроса может стать познавательное (во всех смыслах) начало. Будто погруженность в изучение польского прошлого и настоящего не позволяла усмотреть практическую целесообразность такого процесса.

Ф. Каширин же свои надежды связывал как раз с тем, что «при ближайшем знакомстве с поляками – польский вопрос потеряет для нас свою загадочность», ведь теперь, как он полагал, «наступает время для прямого непосредственного знакомства с поляками, с их историей и литературой, с их общественным развитием и настроением» (Kashirin, «От perevodchika» II). Следует отметить, что в предложенном Ф. Кашириным эмоционально ярком содержании польского вопроса – как «загадочного», этот вопрос неожиданно приобретал черты привлекательные

и одновременно утрачивал пугающие. Оставалось лишь ожидание приятного знакомства. Трудно сказать, на чем было основано убеждение, что «польский вопрос, кажется, перестает быть вопросом дня, перестает быть темой обыденных разговоров, криков и возгласов; он исчез, если можно так выразиться, с поверхности общества, но зато тем глубже должен он проникать в умы и сознания людей мыслящих и сознающих» (Kashirin, «От perevodchika» II). Так или иначе, осенью 1863 г. (цензурное дозволение датируется 12 октября 1863 г.) в русском обществе проявились вот такие – достаточно благостные – настроения, которые в историографии были отмечены сравнительно недавно (Arzhakova, *Rossiiskaia istoricheskaia polonistika* 136-138).

Пройдет почти полсотни лет, и из уст профессионального слависта, историка-полонофила А.Л. Погодина, на счету которого целый ряд капитальных трудов, посвященных польской истории (Lapteva, *Russkii istorik-slavist* 31-52), прозвучит печальная констатация, аналогичная той, что в свое время была сформулирована Ф. Кашириным. Основная причина неудачи в решении польского вопроса, по мнению профессора Варшавского университета, заключалась в нашем «полном взаимном непонимании и незнакомстве» (Pogodin, *Glavnye techenija* VI). Несмотря на то, что признание А.Л. Погодиным самого факта «непонимания и незнакомства» позволяет несколько усомниться в значимости успехов российской исторической полонистики, проделавшей к началу XX в. немалый путь, подспудные от нее ожидания – сугубо общественно-культурного характера – одновременно свидетельствовали также и о признании ее внутреннего потенциала.

Что касается польского вопроса и проблемы знакомства, или, скорее, незнакомства с ним русского общества, очередной реперной точкой становится 1914 г. Тогда, в самом начале Первой мировой войны, выходит сборник *Война и Польша (польский вопрос в русской и польской печати)*, где в предисловии, написанном Л.С. Козловским, содержится удивительное заявление: будто «Польша, как это ни странно, – неведомая страна, terra incognita, для русского человека», и, кроме того, будто «до войны польским вопросом в России не интересовались» (Arzhakova, «Pol'sha» 130)...

В строгом изложении истории науки утверждения подобного рода не всегда принимаются в расчет, но в контексте истории исторической и общественной мысли оставлять их в стороне вряд ли допустимо. Особенно если учитывать, что приведенные высказывания принадлежали

представителям русского образованного (научного) сообщества – пусть в разной степени, но имевшим отношение к полонистическим занятиям. Будь то не слишком известный Ф. Каширин, привлечший к себе внимание переводом сочинения знаменитого польского историка, признанный специалист в области истории славян и, в частности, истории Польши, А.Л. Погодин, или писатель, активный сотрудник «Русских Ведомостей» Л.С. Козловский...

По образному определению Ле Гоффа, «историческая периодизация – акт сложный, на котором сказываются субъективность и в то же время старание добиться результата, приемлемого для максимального числа людей» (Le Goff 12). Зато практическая польза периодизации, на его взгляд, заключается в том, что она «помогает овладеть временем или, скорее, использовать его», правда, здесь французский историк не смог обойтись без оговорки, ведь «иногда она (...) порождает проблемы с оценкой прошлого» (Le Goff 11). Только ли в овладении временем дело? Не смыслом ли? Говоря об истории российской исторической полонистики XIX в., особое место необходимо уделить именно периодизации, которая, что надо подчеркнуть, заметно отличается от периодизации, принятой для истории отечественного славяноведения XIX столетия. И дело здесь как раз в смысле и содержании каждого из предлагаемых (разумеется, не без налета субъективности) периодов.

В периодизации Л.П. Лаптевой первый период (из двух) отечественного славяноведения XIX в. продолжался с самого начала столетия вплоть до начала 1860-х гг., внутри которого был определен дополнительный рубеж, выпадавший на начало 1840-х гг. (Lapteva, *Istoriiia v XIX veke* 10), где ориентиром служил упомянутый ранее Университетский устав 1835 г.

Чтобы применить данную периодизацию к исторической полонистике как составной части отечественной славистики, в эту периодизацию необходимо внести пару уточнений. Во-первых, в пределах обозначенного периода, длившегося до 1860-х годов, для российской полонистики промежуточный рубеж следует сдвинуть ниже, на начало 1830-х гг., считая ориентиром Ноябрьское восстание, обусловившее активизацию полонистических исследований – пусть не только разного масштаба, но и разного исполнительского уровня. Все эти экскурсии в историю Польши, ставшие живым откликом на варшавские события, не содержали в себе каких-либо концептуальных новаций, но зато именно они внесли посильный вклад в создание фундамента, на который позд-

нее опиралась вся конструкция исторической полонистики – пожалуй, наиболее успешной из всех отечественных славистических отраслей.

Во-вторых, еще одно уточнение касается второго периода, отличительной особенностью которого становится проявление новых методологических, в том числе, позитивистских веяний. Если в контексте славяноведения в целом начало такого переломного в методологическом плане периода Л.П. Лаптева видит не ранее 1890-х гг. (Lapteva, *Istoriia v XIX veke* 10), то в контексте исторической полонистики их можно усмотреть уже в 1880-е гг., отчасти даже (подразумевая труды С.М. Соловьева) в 1860-е – 1870-е гг.

Однако рамки принятой в настоящее время периодизационной схемы истории отечественного славяноведения XIX в., даже с учетом внесенных в нее уточнений, для российской исторической полонистики XIX в. оказываются все-таки тесными. Даже если оставить в стороне русскую историческую традицию раннего нового времени, нельзя не сказать о том, какой вклад в распространение знаний о Польше и поляках был внесен трудами В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, Н.Н. Бантыш-Каменского, и, разумеется, Н.М. Карамзина, принадлежавшего, можно сказать, двум столетиям.

Собственно, *История Государства Российского* Н.М. Карамзина, а также его политическая публицистика заложили основу представлений русского общества о Польше и поляках, которые с минимальными поправками сохранялись на протяжении почти всего XIX столетия. Анджей Новак уточняет: именно Н.М. Карамзин сыграл ключевую роль в распространении и утверждении в русском обществе антипольских настроений (Nowak, *Od Imperium* 64-90). С этим утверждением трудно не согласиться, но, вместе с тем, надо отметить, что антипольские настроения получили распространение в Российской империи еще до того, как русскому обществу стали известны *История Государства Российского* Н.М. Карамзина и его публицистические выступления, где историк, в частности, внушал соотечественникам: «Мы взяли Польшу мечом: вот наше право, коему государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний» (Karamzin 437), по-видимому, не замечая уязвимости своего главного аргумента. Достаточно вспомнить, например, о пронизанном антипольским духом сочинении П.В. Львова «Пожарский и Минин, спасители отечества» (1810), где говорилось о «древней завистнице Российского царства, всегдашней ненавистнице Москвы, властолюбивой Польше, всегда искавшей нам бед» (L'vov 42;

Zorin 165-167), чтобы убедиться, что Н.М. Карамзин в антипольской риторике пионером отнюдь не был.

Когда дело доходит до Ноябрьского восстания (определившего промежуточный этап в развитии полонистических студий), на первый план в основном выходит, если воспользоваться термином Ежи Топольского, внеисточниковое знание. Главным героем общественной жизни становится изящная словесность, пронизанная патриотическими чувствами, и, прежде всего, знаменитые сочинения А.С. Пушкина (*Клеветникам России*, *Бородинская годовщина*), ставшие своего рода тестом на патриотизм. Польскую тему тогда не оставили без внимания многие авторы (среди них, в частности, П.Я. Чаадаев, П.А. Вяземский, П.А. Муханов, А.Ф. Малиновский, Н.В. Гоголь, Д.В. Давыдов, М.С. Лунин).

Если говорить о профессиональных историках, то в это время к польской проблематике обращается М.П. Погодин, известный радетель идеи славянского единства, поддерживавший тесные связи с чешскими, словацкими и польскими славистами (Lapteva, «Pavel Iozef Shafarik» 10-21; Lapteva, «Cheshsko-russkie» 72-84; Dostal' 6-16). Историк-русист, в известной мере под впечатлением польского восстания 1830 г., М.П. Погодин сосредоточил внимание на польской истории и современном состоянии польских дел, интерес к которым у него не ослабевал и в дальнейшем. Результат немалых трудов М.П. Погодина на ниве изучения польской истории и польского вопроса нашел отражение в сборниках статей *Польский вопрос: Собрание рассуждений, записок и замечаний* (1868), *Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны (1853-1856)* (1874), *Статьи политические и польский вопрос (1856-1867)* (1876).

Не будучи профессиональным историком, зато отменным проводником официальной политики русских властей в Королевстве Польском, к изучению польской истории приобщился Н.И. Павлищев, автор *Польской истории. В виде учебника* (1843), *Гербовника дворянских родов Царства Польского* (1853) и других трудов, посвященных польской истории (среди них, например, монографии *Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину и Седмицы Польского мятежа. 1861-1864*). Деятельность Н.И. Павлищева на ниве полонистических изысканий во многих отношениях представляет собой достаточно любопытное явление, пока не получившее должного отражения в историографии.

Вообще, надо сказать, что несмотря на значительную степень изученности творческого наследия многих русских славистов, ряд их тру-

дов все-таки по-прежнему остаются вне поля зрения исследователей: это относится, в частности, к неразработанным до сих пор рукописным университетским курсам по истории Польши П.И. Прейса и О.М. Бодянского.

Вместе с тем, приходится признать, что вплоть до середины XIX в. отечественной исторической полонистике похвастаться особенно было нечем: польский вопрос будоражил эмоции и чувства, но пока не занял законного места в строгих научных трудах. Это происходит лишь с выходом на арену активной научной деятельности С.М. Соловьева, который, будучи автором фундаментальной *Истории падения Польши* (1863), ставшей откликом историка на Январское восстание, по праву может считаться полонистом. Собственно говоря, 1860-е – 1870-е гг. были настолько богаты писаниями полонистического свойства, что даже перечислить всех (но есть ли в этом смысл?), кто так или иначе прикоснулся к истории Польши или польскому вопросу, попросту невозможно. В эти десятилетия в исторической полонистике проявили себя (уже упомянутый) С.М. Соловьев, В.И. Герье, А.С. Трачевский, Н.И. Костомаров, В.В. Макушев, Д.И. Иловайский... В науке и публицистике ярко и одновременно основательно выступал А.Ф. Гильфердинг, у всех на слуху были имена И.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина, Н.Н. Страхова, М.Н. Каткова, высказывавших свои суждения о злободневном польском вопросе.

Вершиной развития российской исторической полонистики становятся 1880-е гг., когда одна за другой выходят монографии Н.И. Кареева и Н.Н. Любовича, с именами которых были связаны крупнейшие достижения этой передовой отрасли отечественного славяноведения (Kareev, *Ocherk istorii*; Kareev, *Istoricheskii ocherk*; Kareev, «*Padenie Pol'shi*»; Kareev, *Pol'skie reformy*; Liubovich, *Istoriia Reformatsii*; Liubovich, *Nachalo katolicheskoi reaktsii*). Однако в следующем десятилетии оба историка практически не возвращаются (за редким исключением) к полонистической проблематике. Таковую отстраненность Н.И. Кареева и Н.Н. Любовича от конкретно-исторических исследований, их подчеркнутый интерес к проблемам методологии, есть определенные основания рассматривать как симптомы переживаемого исторической наукой кризисного состояния.

Завершая краткий обзор истории российской исторической полонистики как составной части отечественной славистики, хорошо бы понять: а кто такие – русские полонисты? Вообще говоря, русские поло-

нисты XIX в., как правило, совместители. Одни из них в основном занимались историей России, как Н.М. Карамзин и С.М. Соловьев, другие – всеобщей историей, как В.И. Герье и Н.И. Кареев, или историей Балкан, как В.В. Макушев. Пожалуй, больше других по роду своих кропотливых занятий такого звания – как полонист – заслуживал Н.Н. Любич, которому оказалась по силам разработка сложнейших проблем польской истории.

Российская историческая полонистика XIX столетия в известной мере была опытом русско-польского (порой подспудного) диалога. Являясь частью культурного наследия русского и польского народов, она настоятельно нуждается во всестороннем исследовании междисциплинарного характера.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Aksakov, Ivan Sergeyeovich. «Pol'skiy vopros i Zapadno-russkoye delo. Yevreyskiy vopros». *Polnoye sobraniye sochineniy*, t. 3, Moskva: Tip. M.G. Volchaninova, 1886 [Аксаков, Иван Сергеевич. «Польский вопрос и Западно-русское дело. Еврейский вопрос». *Полное собрание сочинений*, том 3, Москва: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886].
- Arzhakova, Larisa. «Pol'sha, kak eto ni stranno, – nevedomaya strana, terra incognita, dlya russkogo cheloveka...». *Noveyshaya istoriya Rossii*, t. 8, no. 1, 2018, ss. 130-141 [Аржакова, Лариса. «Польша, как это ни странно, – неведомая страна, terra incognita, для русского человека...». *Новейшая история России*, т. 8, № 1, 2018, сс. 130-141].
- Arzhakova, Larisa. *Rossiyskaya istoricheskaya polonistika i pol'skiy vopros v XIX veke*. Izdatel'stvo SPbGU, 2010 [Аржакова, Лариса. *Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке*. Издательство СПбГУ, 2010].
- Błachowska, Katarzyna. *Narodziny Imperium: Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku*. Wydawnictwo Neriton, 2001.
- Błachowska, Katarzyna. *Wiele historii jednego państwa: Obraz Wielkiego Księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku*. Wydawnictwo Neriton, 2009.
- Dostal', Marina. «Slavistika v universitetskikh kursakh M.P. Pogodina (1825-1844)». *Stanovleniye slavistiki v Moskovskom universitete v svete arkhivnykh nakhodok. Izbrannyye ocherki*. Institut slavyanovedeniya RAN – Kompaniya Sputnik+, 2005, ss. 6-15 [Досталь, Марина. «Славистика в университетских курсах М.П. Погодина (1825-1844)». *Становление славистики в Московском университете в свете архивных находок. Избранные очерки*. Институт славяноведения РАН – Компания Спутник+, 2005, сс. 6-15].
- Gil'ferding, Aleksandr Fedorovich. «Pol'skiy vopros». *Sobraniye sochineniy*, t. 2, Sankt-Peterburg: Pechatnya V. Golovina, 1868, ss. 291-363 [Гильфердинг, Александр Федорович. «Польский вопрос». *Собрание сочинений*, том 2, Санкт-Петербург: Печатня В. Головина, 1868, сс. 291-363].

- Karamzin, Nikolai Mihajlovich. «Mneniye russkogo grazhdanina». Karamzin, Nikolai Mikhailovich. *O drevney i novoy Rossii. Zhizn' i mysl'*, 2002, ss. 436-438 [Карамзин, Николай. «Мнение русского гражданина». Карамзин, Николай Михайлович. *О древней и новой России. Жизнь и мысль*, 2002, сс. 436-438].
- Kareev, Nikolai Ivanovich. «Padeniye Pol'shi» v istoricheskoy literature. Sankt-Peterburg: Tipografiya V.S. Balasheva, 1888 [Кареев, Николай Иванович. «Падение Польши» в исторической литературе. Санкт-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1888].
- Kareev, Nikolai Ivanovich. «Pol'skiy vopros v istoricheskom osveshchenii». *Voprosy mirovoy voyny. Pravo*, 1915, ss. 61-85 [Кареев, Николай Иванович. «Польский вопрос в историческом освещении». *Вопросы мировой войны. Право*, 1915, сс. 61-85].
- Kareev, Nikolai Ivanovich. *Istoricheskiy ocherk pol'skogo seyma*. Moskva: Tip. A.I. Mamontova, 1888 [Кареев, Николай Иванович. *Исторический очерк польского сейма*. Москва: Тип. А.И. Мамонтова, 1888].
- Kareev, Nikolai Ivanovich. *Ocherk istorii reformatsionnogo dvizheniya i katolicheskoy reaksii v Pol'she*. Moskva: Tip. A.I. Mamontova, 1886 [Кареев, Николай Иванович. *Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше*. Москва: Тип. А.И. Мамонтова, 1886].
- Kareev, Nikolai Ivanovich. *Pol'skie reformy XVIII veka*. Sankt-Peterburg: Tip. V.V. Komarova, 1890 [Кареев, Николай Иванович. *Польские реформы XVIII века*. Санкт-Петербург: Тип. В.В. Комарова, 1890].
- Kashirin, Fedor Dmitriyevich. «Ot perevodchika». Lelevel', Ioakhim. *Pol'sha i Ispaniya. Istoricheskaya mezhdurimi parallel' v XVI, XVII i XVIII stoletiyakh*. Moskva: Tipografiya Vakhmeteva, 1863, ss. I-IV [Каширин, Федор Дмитриевич. «От переводчика». Лелевель, Иоахим. *Польша и Испания. Историческая между ними параллель в XVI, XVII и XVIII столетиях*. Москва: Типография Бахметева, 1863, сс. I-IV].
- Lapteva, Lyudmila Pavlovna. «Cheshsko-russkiye nauchnyye svyazi v XIX v.: perepiska P.Y. Shafarika i M.P. Pogodina». *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 8. Istoriya, nr 2, 2003, ss. 72-74 [Лаптева, Людмила Павловна. «Чешско-русские научные связи в XIX в.: переписка П.Й. Шафарика и М.П. Погодина». *Вестник Московского университета*, сер. 8. История, № 2, 2003, сс. 72-74].
- Lapteva, Lyudmila Pavlovna. «Pavel Yozef Shafarik i russkoye slavyanovedeniye pervoy poloviny XIX v.» *Vestnik Moskovskogo universiteta*, ser. 8. Istoriya, nr 1, 1996, ss. 10-21 [Лаптева, Людмила Павловна. «Павел Йозеф Шафарик и русское славяноведение первой половины XIX в.» *Вестник Московского университета*, сер. 8. История, № 1, 1996, сс.10-21].
- Lapteva, Lyudmila. *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v kontse XIX – pervoy trety XX v.* Indrik, 2012 [Лаптева, Людмила Павловна. *История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в.* Индрик, 2012].
- Lapteva, Lyudmila. *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke*. Indrik, 2005 [Лаптева, Людмила. *История славяноведения в России в XIX веке*. Индрик, 2005].
- Lapteva, Lyudmila Pavlovna. *Russkiy istorik-slavist Aleksandr L'vovich Pogodin. Zhizn' i tvorchestvo (1872-1947)*. Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna, 2011 [Лаптева, Людмила Павловна. *Русский историк-славист Александр Львович Погодин. Жизнь и творчество (1872-1947)*. Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011].
- Le Goff, Zhak. *Stoit li rezat' istoriyu na kuski? Yevraziya*, 2018 [Ле Гофф, Жак. *Стоит ли резать историю на куски? Евразия*, 2018].

- Lyubovich, Nikolai Nikolayevich. *Istoriya Reformatsii v Pol'she: Kal'vinisty i antitrinitarii*. Varshava: V Tipografii Zemkvicha i Noakovskogo, 1883 [Любович, Николай Николаевич. *История Реформации в Польше: Кальвинисты и антитринитарии*. Варшава: В Типографии Земкевича и Ноаковского, 1883].
- Lyubovich, Nikolai Nikolayevich. *Nachalo katolicheskoy reaktsii i upadok reformatsii v Pol'she*. Varshava: Tipografiya K. Kovalevskogo, 1890 [Любович, Николай Николаевич. *Начало католической реакции и упадок реформации в Польше*. Варшава: Типография К. Ковалевского, 1890].
- L'vov, Pavel Yur'yevich. *Pozharskiy i Minin, spassiteli otechestva*. Sankt-Peterburg: Tipografiya V. Plavil'shchikova, 1810 [Львов, Павел Юрьевич. *Пожарский и Минин, спасители отечества*. Санкт-Петербург: Типография В. Плавильщикова, 1810].
- Milosh, Cheslav. *Rodnaya Yevropa*. Letniy sad; Kollegium Vostochnoy Yevropy im. Yana Novaka Yezoranskogo, 2011 [Милош, Чеслав. *Родная Европа*. Летний сад; Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака Езёранского, 2011].
- Nowak, Andrzej. *Mędzy carem i rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji 1831–1849*. Gryf: Inst. historii PAN, 1994.
- Nowak, Andrzej. *Od Imperium do Imperium: Spojrzenia na historię Europy Wschodniej*. Arkana, 2004
- Pogodin, Aleksandr L'vovich. *Glavnyye techeniya pol'skoy politicheskoy mysli (1863-1907)*. Knigoizdatel'skoye t-vo «Prosveshcheniye», 1907 [Погодин, Александр Львович. *Главные течения польской политической мысли (1863-1907)*. Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1907].
- Pogodin, Mikhail Petrovich. *Pol'skiy vopros. Sobraniye rassuzhdeniy, zapisok i zamechaniy. 1831-1867*. Moskva: V tipografii gazety «Russkiy» [Погодин, Михаил Петрович. *Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867*. Москва: В типографии газеты «Русский», 1868].
- Pogodin, Mikhail Petrovich. *Stat'i politicheskkiye i pol'skiy vopros (1856-1867)*. Moskva: Tipografiya F.B. Millera, 1876 [Погодин, Михаил Петрович. *Статьи политические и польский вопрос (1856-1867)*. Москва: Типография Ф.Б. Миллера, 1876].
- Solov'yev, Sergey Mikhaylovich. «Yevropa v kontse XVIII veka». Sergey Mikhaylovich Solov'yev. *Sochineniya*. V 18 kn. Kn. XXII. Dopolnitel'naya. Raboty raznykh let. Mysl', 1998, ss. 198-319 [Соловьев, Сергей Михайлович. «Европа в конце XVIII века». Сергей Михайлович Соловьев. *Сочинения*. В 18 кн. Кн. XXII. Дополнительная. Работы разных лет. Мысль, 1998, сс. 198-319].
- Tarnowski, Stanisław. «Nasze położenie polityczne». Stanisław Tarnowski. *Z doświadczeń i rozmyślań*. Ośrodek Myśli Politycznej, 2002, ss. 9-78.
- Wierzbicki, Andrzej. *Groźni i wielcy. Polska myśl historyczna XIX wieku wobec rosyjskiej despotii*. Wydawnictwo Sic, 2001.
- Zorin, Andrei Leonidovich. *Kormya dvuglavogo orla...: Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v posledney treti XVIII – pervoy treti XIX veka*. Novoye literaturnoye obozreniye, 2004 [Зорин, Андрей Леонидович. *Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века*. Новое литературное обозрение, 2004].

ROSYJSKA POLONISTYKA HISTORYCZNA XIX WIEKU
JAKO CZĘŚĆ ROSYJSKIEJ SŁAWISTYKI

Streszczenie

Artykuł przedstawia krótki przegląd historii rosyjskiej polonistyki historycznej XIX wieku, która była częścią składową rosyjskiej slawistyki, lecz funkcjonowała na innych zasadach, odzwierciedlających dynamikę wzajemnych stosunków polsko-rosyjskich. Zwrócono szczególną uwagę na wyjątkowe warunki powstawania i rozwoju rosyjskiej polonistyki historycznej, co pozwoliło na uszczegółowienie przyjętej wcześniej periodyzacji tej dyscypliny. W artykule zaznaczono, charakterystyczną dla dziewiętnastowiecznej Rosji, jednak dopiero niedawno znajdującą swoje miejsce we współczesnej historiografii myśl o współzależności między „sprawą polską” i badaniami polonistycznymi. Autorka artykułu proponuje rozpatrywanie rosyjskiej polonistyki historycznej jako doświadczenia polsko-rosyjskiego dialogu XX wieku.

Słowa kluczowe: rosyjska polonistyka historyczna XIX wieku; sprawa polska; slawistyka rosyjska; periodyzacja polonistyki historycznej; dialog polsko-rosyjski.

RUSSIAN HISTORICAL POLONISTICS OF THE 19TH CENTURY
AS A PART OF RUSSIAN SLAVISTICS

Summary

This article presents a brief overview of the history of Russian historical Polonistics in the 19th century, which was an integral part of Russian Slavistics, but acted according to other laws which were subject to the dynamics of Russian-Polish relations. Special attention is paid to the peculiarities of the formation and development of Russian historical Polonistics, which made it possible to clarify its previously accepted periodisation. This article notes the interdependence between the Polish question and Polonistic studies, which is characteristic of Russia in the 19th century, but only recently reflected in modern historiography. The author of the article suggests considering Russian historical Polonistics as the experience of Russian-Polish dialogue in the context of the long 19th century.

Keywords: Russian historical Polonistics of the 19th century; the Polish question; Slavic studies in Russia; periodisation of the Russian historical Polish studies; Russian-Polish dialogue.